

**МОДЕРНИЗМ КАК ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ
СОВРЕМЕННОЙ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ**

В статье прослежено, как при изменении методологического формата в литературоведческом дискурсе 90-х XX века решалась проблема концептуализации и категоризации феномена русского модернизма.

Ключевые слова: *литературный модернизм, методологический формат, символизм.*

В статті прослідковано, як при зміні методологічного формату в літературознавчому дискурсі 90-х XX ст. вирішувалася проблема концептуалізації та категоризації феномену російського модернізму.

Ключові слова: *літературний модернізм, методологічний формат, символізм.*

In this article it was analysed how during the change of the methodological format of the literary discourse in the 90-ies, the problem of conceptualization and categorization of the phenomenon which is Russian modernism was solved.

Key words: *literary modernism, methodological format, symbolism.*

С начала 90-х годов прошлого века понятие «модернизм» постепенно входило в филологический дискурс исследователей, обращенных к литературному процессу в России конца XIX — начала XX веков.

В 1992 году была опубликована статья *М. Л. Гаспарова* «Антиномичность поэтики русского модернизма» [2], которая для русистики тех лет, да и для последующих литературоведческих практик по проблематике литературного модернизма, во многом стала ориентиром в выработке новых концептуальных подходов к явлению. Сегодня уже очевидно, что методология, на которой строится эта статья, отвечает общему доминантному принципу исследовательского метода ученого. В работах, поднимавших историко-литературную проблематику, М. Л. Гаспаров, как правило, не разворачивал вопрос методологических и теоретических оснований исследования. Но контекст широчайшего научного наследия ученого позволяет сделать вывод о приоритетах его методологической позиции,

которая характеризовалась акцентированием фактора *формообразования в литературе*. Лаконичная сентенция М. А. Гаспарова — автора фундаментального труда «Очерки истории русского стиха» (1987), охватившего широкую историю русской поэтической культуры: «неверно считать, что все особенности стихотворной формы обусловлены содержанием каждого стихотворения и ничем иным» [1, с. 3], в свое время звучала как явное опровержение хрестоматийного для академического советского литературоведения положения об обусловленности формы содержанием.

Закономерно, что в статье «Антиномичность поэтики русского модернизма» М. А. Гаспаров, руководствуясь своим основным методологическим принципом «*от формы к интенции*», типологию русского модернизма представил в парадигме *категории стиля*, констатируя несколько линий поэтикального диалога стиха русских модернистов с предшествующей традицией. Особую продуктивность для русской поэтической культуры модернистов М. А. Гаспаров отметил в развитии как стилевых приемов «парнасцев» и французских символистов, так и мировой романтической поэзии (включая и русскую). Исследователь доказательно (иллюстрируя многочисленными примерами) прослеживает *многовекторность* процесса индивидуального творческого взаимодействия русских поэтов-модернистов с предшествующей традицией. Как в усвоении, так и в преодолении этих традиций формируется многообразие авторских стилевых решений поэтов-модернистов. Руководствуясь хронологическим принципом, М. А. Гаспаров фиксирует алгоритм стилевой динамики в поэтической культуре символистов, акмеистов и футуристов, но при этом отмечает и факт их *стилевой самобытности*, и *тенденцию к взаимодействию их приемов в общем системном поле русского поэтического модернизма*.

Концептуально-методологический потенциал данной работы М. А. Гаспарова не ограничивается рамками стилевого анализа литературного наследия русских поэтов-модернистов. Она однозначно разрушила традицию решения любых вопросов типологии литературного модернизма вне проблемы формы, более того, фактор формы был подчеркнут как эстетически мо-

тивированный и при типологическом изучении основных направлений модернизма. *Принципиально значимым является сама постановка вопроса о поэтическом модернизме как литературном феномене, характерность которого просматривается и на уровне формообразовательных интенций.* В новом для академической науки значении артикулировалось само понятие «поэтический модернизм в России», аналитика которого, не ограничиваясь областью идеологем, переключалась на область поэтики. Напомним, что в этом же русле, но в несколько иной теоретико-методологической и терминологической культуре, разработки отдельных вопросов поэтического модернизма проводили и представители тартуско-московской научной школы.

Системные концептуальные исследования по типологии поэтического модернизма, интегрировавшие широкий научный опыт, но методологически и терминологически тяготеющие к разработкам М. А. Гаспарова, в русистике появились уже в перестроечные годы. И здесь в первую очередь назовем докторские работы *О. А. Клинг* и *Н. Ю. Грякаловой*, обобщивших масштабный творческий опыт русских модернистов в системе отдельных типологических категорий исторической поэтики, на которые обратил внимание М. А. Гаспаров. Динамику области поэтики литературного модернизма О. А. Клинг конкретизировал на уровне показателей *стилевых парадигм* символизма, акмеизма и футуризма. В 2010 году несколько дополненная диссертационная работа ученого, актуальная как концепцией, так и методологией исследования, была представлена монографией «Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики» [7].

Свой анализ *О. А. Клинг* определяет как «стилевой, учитывающий историко-генетическое, историко-функциональное и системно-историческое начало» [7, с. 33]. Цель исследователя — «выявить *ген символизма*, порою осознаваемый самим поэтами как чужеродный, в ранних творческих исканиях постсимволистов» [7, с. 34]. Системный анализ поэтики символизма позволил О. А. Клингу констатировать: «С дистанции времени очевидно, что многие явления в искусстве 1910-х годов были вызваны притяжением или отталкиванием

от принципов художественного обновления конца 1890-х — начала 1900-х годов» [7, с. 8]. Русские символисты, накопив «большой арсенал новых художественных приемов» [7, с. 5], способствовали «типологическому смещению всей культуры от одного состояния, существовавшего до утверждения в русской литературе символизма, к другому» [7, с. 5–6]. В одной из своих статей О. Клинг, акцентируя на связях акмеизма с символизмом, отмечает и признаки «неоклассицистского стиля», поскольку «уже в самом символизме — особенно конца 1900-х гг. — было заложено два начала: ориентация на „неоклассицизм“ (Вяч. Иванов, В. Брюсов, С. Соловьёв) и авангард, точнее, предавангард (А. Белый)» [6, с. 103].

В диссертации **Н. Ю. Грякаловой** «От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910–1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историсофия)» «в аспекте описательной типологии» также была поднята проблема отношений символизма и авангарда *с целью воссоздания «логики их внутренней идейной и эстетической эволюции»* [3]. Методологически новаторским в диссертации является ракурс охвата материала, когда проблема рецепции символизма в русской литературе 1910–1920-х годов рассматривается на трех уровнях — на уровне поэтики, житнетворчества и историсофии. Скрупулезная работа автора диссертации в концептуально-поэтологическом поле ряда произведений писателей-модернистов (как прозаиков, так и лириков) дала основание для констатации отдельных «проективных компонентов модернистской парадигмы». По мысли Н. Ю. Грякаловой, «дальнейшее углубленное изучение символизма, акмеизма и авангарда... целесообразно проводить в формах перехода *от одной стилиевой формации к другой*, что необходимо для восстановления *целостной картины истории русской литературы первых десятилетий XX века*» [3, с. 355].

Во второй половине 90-х изучение проблематики и поэтики модернизма становится одним из приоритетных направлений в русистике. Работы **А. П. Авраменко**, **Н. А. Богомолова**, **Б. М. Гаспарова**, **Н. Ю. Грякаловой**, **Л. К. Долгополова**, **О. А. Клинга**, **Л. А. Колобаевой**, **А. В. Лаврова**, **Л. А. Ореховой**, **Л. А. Смирнова**, **В. Н. Топорова**, **Т. В. Цивьян** и других талант-

ливых литературоведов 1990-х, обращенных к творчеству русских писателей-модернистов, отличает показательное единство историко-литературного подхода и теоретико-методологического поиска, в отдельных же исследованиях просматривается и стремление к установлению типологии в свете сравнительной поэтики.

В числе разработок *украинских русистов 1990-х годов* значимым и сегодня остается научное наследие одесского литературоведа **С. П. Ильева**, предложившего продуктивную литературоведческую методологию типологического изучения творчества русских модернистов вообще и символистов, в частности. Основным объектом литературоведческого анализа в работах С. П. Ильева по Серебряному веку был художественный текст, понимаемый как структурная целостность.

Осмысление поэтологической неоднородности явлений прозы символистов привело ученого к обоснованию феномена символистского романа, разработке его типологических признаков. Этой проблеме была посвящена докторская диссертация «Поэтика русского символистского романа». Ее сокращенный вариант стал основой монографии «Русский символистский роман: аспекты поэтики» [4]. Работа С. П. Ильева в литературоведении положила начало линии типологических исследований данной жанровой модели. Ранее ее отдельные структурообразующие показатели были только отмечены в небольшой статье Лены Силард. Но после работы С. П. Ильева представители разных филологических школ продолжили исследовательскую работу в контексте его теоретико-методологической концепции (Н. В. Барковская, Г. П. Пертова).

Романы Ф. Сологуба, В. Брюсова и А. Белого рассматривались С. П. Ильевым как эстетически мотивированные жанровые формы, исследование структуры которых проводилось на нескольких уровнях: архитектоники, символизации и мифологизации. Обращено внимание на архетипические сюжеты, исследован хронотоп символистского романов. В каждой главе работы систематизированы жанровые показатели конкретных произведений, отнесенных С. П. Ильевым к типу симво-

листского романа. Основой их сюжетной композиции назван миф, реализующий художественную концепцию, обращенную к универсальным, онтологическим противоречиям бытия (добро и зло, богу и дьяволу, любви и смерти). Сам же текст символистского романа трактуется ученым как неомифологическая структура, сформированная с помощью архетипических образов, мотивов, сюжетов. Концепция С. П. Ильева дала основания для разграничения модернистских, предсимволистских и собственно символистских романов. Ученый обращал внимание на то, что модернистский роман можно назвать символистским только при условии, что в его системе фундаментальное место принадлежит категории символа и диалектически связанной с нею категории мифа. С. П. Ильев не был теоретиком, но сознательно ориентировался на инновационные в 1980-е годы теоретико-методологические разработки (принципы структурно-семиотической и неомифологической школ и др.). В связи с этим его работы, посвященные конкретным историко-литературоведческим вопросам, теоретичны, показательны высоким потенциалом генерирующей мысли, чем обусловлена их особая теоретико-методологическую значимость и для современной филологии.

Квалифицированные исследовательские практики филологов 1990-х годов отличает пристальное внимание к художественно-эстетической природе рассматриваемых объектов и, соответственно, установление типологических закономерностей на этом уровне. Но можно говорить и о новых тенденциях: в отдельных форматах индивидуального литературоведческого дискурса просматривается ориентация на *антропоцентрическую гуманитарную методологию*. В проблемно-тематическое поле филологического анализа 1990-х попадает *проблема автора, героя произведения, субъектная сфера текста и др.* Наследие писателей-модернистов в сравнении с предшествующей литературной эпохой отличается качественно новым концептуально-функциональным статусом автора, что закономерно ориентировало историков литературы 1990-х годов на постановку и решение вопроса типологических критериев и характеристик на этом уровне.

Так, в докторских работах и монографиях *Л. А. Колобаевой*, *Л. А. Ореховой* творчество русских писателей рубежа веков рассмотрено в аспекте персонологических показателей: авторского мировоззрения и мировосприятия, мифотворческих компонентов авторского мира, образа автора, системы персонажей и др. Обращено внимание на многообразие индивидуальных художественных решений при рассмотрении проблемы человека и отношений человека с миром [8]. Методологическое поле, на котором строит свое исследование Л. А. Колобаева, выходит далеко за пределы филологического знания. Аргументируя новые антропологические решения писателей порубежья, она мотивированно опиралась на концепции философов и психологов конца XIX и XX веков, тем самым закладывая линию междисциплинарных методологических обоснований, продуктивно вошедшую в последующие литературоведческие разработки проблематики модернизма.

То же характерно и для работы Л. А. Ореховой, проведенной в контексте ритуально-мифологического подхода, что позволило отметить функциональную значимость мифологического компонента в структурах авторских миров писателей-модернистов [10].

В ряде работ конца XX века, обращенных к проблематике Серебряного века, объектом изучения становятся и отдельные литературные группировки, школы, направления, в эстетических программах и художественной практике адептов которых формировались новые типологические признаки литературы.

«Первую историю русского символизма, охватившую все аспекты феномена русской культуры — поэзию, прозу, живопись, философию» [11, с. 4] в 1998 году в русском издании представила *Аврил Пайман* — английская исследовательница, много лет работавшая в России. Свою подход к предмету она определяла «задачей не столько критика, сколько хроникера»: «...представить идеи, прозаические сочинения и поэзию как творчество живых людей, в определенный период истории, в реальных условиях России того времени» [11, с. 7]. Автор сумела передать «живое ощущение психологической атмосферы времени», сложность жизненных и творческих перипетий

знаковых фигур символистского движения. Обширная фактография эпохи в книге А. Пайман служит фоном, на котором убедительно развернуты теоретические позиции символистов, дан профессиональный анализ отдельным произведениям. В конце книги, абрисно представленная по годам (1892–1910) хронология символистского движения, выглядит весомым аргументом в мотивации его культурно-экзистенциального единства.

Многолетний опыт работы в проблематике литературного процесса России конца XIX — начала XX веков позволил *Л. А. Колобаевой* в монографии «Русский символизм» (2000) представить новую интерпретацию творчества символистов [9]. Основания для типологических характеристик русских символистов, тяготеющих к религиозно-метафизическим исканиям (Д. Мережковский, З. Гиппиус), отличающихся «дионисийским типом» лирики (К. Бальмонт, И. Каменский), онтологическим трагизмом (Ф. Сологуб) или аполлоническим началом (М. Волошин), Л. А. Колобаева находит в процессе скрупултного имманентного анализа отдельных текстов, в которых прослеживает широту приемов символизации, мифопоэтики, интертекстуальности. Высокий индекс цитации данной работы в исследованиях последних лет говорит о том, сколь значим ее аналитический потенциал, методика поэтического изучения материала такого формата для разработки инвариантных линий прочтения текстов и интерпретации художественных миров русских символистов.

Свою версию *целостного охвата феномена русского символизма* как ведущего модернистского направления в системе новой для литературоведения типологической оценки предложила *И. Ю. Искржицкая*. Литературоведческий дискурс ее работы «Культурологический аспект литературы русского символизма» определен изменением традиционной для филологии оценочной опцией, что мотивируется «актуальностью культурологического подхода к литературному наследию символистов» [5]. Методологическое новаторство исследования И. Ю. Искржицкой литературного материала, аналитика которого нацелена на «восстановление разорванных структур

отечественной культуры» [5], обеспечивается и опорой на принцип диахронии и синхронии. Тем самым автор подчеркивает мысль «о последовательной преемственности гуманистических ценностей русского и мирового искусства» [5, с. 3]. Сферой аргументации в исследовании становится не только область эстетики и поэтики творчества русских символистов, но общее культурное пространство эпохи конца XIX — начала XX веков, в контексте которого вырабатывались ментальные предпочтения и новаторские пути литературного самосознания.

Анализ работ 1990-х годов о литературном модернизме позволяет констатировать тенденцию филологической мысли к постепенному расширению факторов мотивации, особенно ментальных и культурологических. К началу третьего тысячелетия литературоведение, обращенное к феномену символизма — основного направления литературного модернизма, вышло на ряд взаимодополняющих типологических характеристик. При этом в методологии и практиках исследования намечаются линии преодоления традиционной концепции **форматности символизма** как литературного направления и метода, обостряется интерес к общему **метаязыку литературы и искусства Серебряного века**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров М. Л. Очерки истории европейского стиха / М. Л. Гаспаров. — М. : Наука, 1989. — 302 с.
2. Гаспаров М. Л. Антиномичность поэтики русского модернизма / М. Л. Гаспаров // Связь времен. Проблемы преемственности в русской литературе конца XIX — нач. XX в. : сб. ст. — М. : Наследие, 1992. — С. 244–266.
3. Грякалова Н. Ю. От символизма к авангарду. Опыт символизма и русская литература 1910–1920-х годов (Поэтика. Жизнетворчество. Историософия) : дисс... доктора филологических наук : 10.01.01 : русская литература / Наталия Юрьевна Грякалова. — СПб., 1998. — 355 с.
4. Ильев С. П. Русский символистский роман: аспекты поэтики : монография / С. П. Ильев. — Киев : Лыбидь, — 171 с.
5. Искржицкая И. Ю. Культурологический аспект литературы русского символизма / И. Ю. Искржицкая. — М. : РУИ, 1997. — 224 с.

6. Клинг О. А. Стилевое становление акмеизма: Н. Гумилёв и символизм / О. А. Клинг // Вопросы литературы. — 1995. — № 5. — С. 101–125.
7. Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов: проблемы поэтики / О. А. Клинг. — М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. — 356 с.
8. Колобаева Л. А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. / Л. А. Колобаева. — М.: Изд-во МГУ, 1990. — 336 с.
9. Колобаева Л. А. Русский символизм // Л. А. Колобаева. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 296 с.
10. Орехова Л. А. Авторское мифотворчество и русский модернизм (лирическая проза) / Л. А. Орехова. — Киев: УМК ВО, 1992. — 122 с.
11. Пайман А. История русского символизма / Аврил Пайман. — М.: Республика, 1998. — 415 с.